

Особенности научно-технической политики Китая

Академик Олег Фиговский

Департамент Науки, Технологий и Образования Альянса

Народов Мира

Несколько лет тому назад в статье «Размышления о развитии науки в Китае» я писал, что вернулся из Китая, где участвовал в официальном открытии новой программы «1000 талантов», по которой планируется найти и развивать научные таланты высокого международного уровня под руководством ведущих экспертов – ученых из разных стран в области технических наук. Если в России мечтают о появлении 5-10 университетов в первой сотне рейтинга, что, увы, не удалось, то в Китае хотят иметь хотя бы 1000 ученых мирового уровня через 5-10 лет, что более реалистично. При этом все руководство наукой и техникой в Китае искренне уверено, что сотрудничество с Израилем, цивилизация которого, как и Китая, связана с многовековой традицией, является естественной и необходимой, особенно в новых технологиях. Это выражается и в создании совместно с Технионом (Хайфа, Израиль) нового технического университета на юге Китая. У Китая второе место по эффективности инвестиций в образование. Уже на сегодняшний момент, по данным мировой образовательной сети, страна занимает первое место по уровню образования. США – только восьмое-девятое места. При этом, к примеру, американские родители стараются всячески оградить от образования своих детей, не напрягать их. А китайцы, живущие в Америке, на образовательные занятия со своими детьми тратят в десять раз больше времени и денег, чем американцы.

Китай продолжает ударными темпами наращивать инвестиции в инновационные технологии. Согласно предварительному отчету Национального бюро статистики Китая (NBS), расходы страны на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в 2020 году выросли на 10% до рекордных \$ 378 млрд. Это вдвое больше, чем весь оборонный бюджет КНР за 2020 год (\$ 178,8 млрд). Таким образом суммарные инвестиции в достижение технологического превосходства достигли весомых 2,4% от ВВП страны. Китайские IT-компании, государственные организации и университеты организовали 198 технологических проектов национального уровня. А Национальный фонд естественных наук Китая в целом профинансировал 45 700 инициатив в сфере перспективных исследований. По состоянию на конец года в стране действовали 522 ключевые лаборатории, 350 инженерных исследовательских центров и более 1600 национальных технологических центров на уровне предприятий. По данным NBS, в 2020 году особое внимание было уделено космической программе Китая – компании осуществили 35 успешных запусков. Запуск станции Чанье-5 стал первым проектом, в рамках которого Китай собрал образцы с поверхности Луны и вернул их на Землю. Китай также официально ввел в эксплуатацию 500-метровый радиотелескоп Тяньян и запустил глобальную навигационную систему Beidou-3. Кроме того, с прошлого года страна занялась изучением Марса и провела запуск зонда Тяньвэнь-1.

Шэнь Лайюнь, заместитель главы NBS, отметил, что текущая стратегия позволила Китаю стать единственной крупной экономикой, которая продолжала расти, несмотря на пандемию. Даже во время первого полного локдауна – в феврале-марте 2020 года – часть проектов работала в автономном режиме и продолжала наращивать технологическое превосходство. «Вторая по величине экономика удивила мир своим V-образным восстановлением и стала главной движущей силой для восстановления мировой экономики», – сказал Лайюнь. Ключевую роль в этих процессах сыграл симбиоз между государством и частным сектором. Правительство активно поддерживает IT-компании и стартапы, предоставляя условия и субсидии для перспективных проектов. По заявлениям NBS, регуляторы поддержали создание в Китае 400 инновационных платформ и способствовали координации и развитию малых и средних предприятий.

Китайская наука появилась и развивалась как прикладная область оборонной промышленности. Большинство китайских ученых до сих пор заточены под военные дисциплины. Все выдающиеся ученые Китая закончили американские университеты, дав необходимый мощный толчок национальной науке. Сегодня Китай, в котором еще в 40-е годы не было ни одного высшего учебного заведения, ведет интеллектуальный захват мира. Например, никому ничего не скажет такое имя как Чжань Цуньхао, а между тем это выдающийся китайский академик. В свое время китайское правительство именно его бросало на прорывные области. В 50-х годах он сделал эксикацию синтетического топлива из газа, сумев превзойти американский эффект в 4 раза. В 60-е годы он разработал ракетное топливо. В 80-е занялся химическими лазерами и в 1992 году открыл кислородный йодный лазер.

В 1993 году президент КНР Цзян Цзэминь написал программную статью о том, что в новом веке власть и влияние будут основываться не на насилии, а на достижениях в интеллектуальной сфере. Еще в мае этого года Гарвардский институт мировой экономики совместно с консалтинговой компанией BDO выпустил доклад, который констатировал, что Китай перешел от «страны копирования» к инновационной державе. Свято место пусто не бывает – Европа уходит из науки, Китай приходит. С 2010-го года Китай занимает первое место по числу патентов. Ведомство Китая по интеллектуальной собственности заявило, что из 928 тысяч изобретений, которые они зарегистрировали в 2014 году, 663 имеют рыночную стоимость, а 485, то есть половина, сделаны специализированными исследовательскими центрами.

Национальные исследовательские центры – это один из элементов китайского культа науки. О многом говорит один-единственный факт: в 2024 году ученых и исследователей в Китае будет больше, чем в Европе, США, Японии вместе взятых. С 2000 по 2007 год количество инженерно-технических работников в Китае удвоилось. В 2013 году китайцы вышли на первое место по количеству научно-технических работников в мире. Количество ученых из общего числа людей, занятых в производстве, в ЕС составляет 22%, в Китае – 19%, в США – 17%, в Эстонии (обратите внимание!) – 12 %, в РФ – 6%. По подсчетам ЮНЕСКО, РФ – единственная страна, в которой количество ученых сокращается с 2007 по 2013 годы – с 7,3% до 5,7%...

В 2014 году Китай достиг паритета с США по доле добавленной стоимости в высокотехнологичном производстве, где у США 29%, а у Китая 27%. Причем за 10 лет их доля выросла в 10 раз. США, несмотря на паритет, скорее всего свою долю будут терять. При всем при этом Китай на науку тратит не так уж много денег, по данным канала Би-Би-Си, это всего 2,5% от общей суммы государственных вложений. Советский Союз в свое время вкладывал в науку 5% от всего бюджета. В нынешнее время этот показатель превышают только Израиль и Швейцария. На сегодня Китай занимает первое место по инвестициям в научные разработки. С этого года они учредили свою собственную Нобелевскую премию для поощрения достижений и разработок в науке. Также они занимают второе место по инвестициям в выпуск научных журналов. В Китае, например, есть журналы, посвященные целиком бионике – новейшему перспективному научному направлению.

Как пишет Константин Щепин, по китайскому зодиаку 2021 году будет покровительствовать Бык, да не простой, а золотой. Поднебесные звездочеты пророчат, что рожденным в этом году детям уготована богатая жизнь, а новым начинаниям — успех. С астрологами согласны экономисты, по мнению которых 2021-й для Китая, действительно, станет «золотым». Абсолютно все наблюдатели уверены, что в наступающем году экономика КНР продемонстрирует взрывной рост. Ожидается, что ВВП увеличится на 8% и более – таких темпов развития Китай не демонстрировал с 2012 года. Высокие темпы роста обоснованы низкой точкой отсчета, заданной 2020-м годом, в котором Китай сильно пострадал от эпидемии коронавирусной инфекции.

Наступающий год в КНР будет крайне богат на технологические достижения. Весной 2021-го вся страна будет внимательно следить за первой марсианской миссией «Тяньвэнь-1». Китайский марсоход достигнет «красной планеты» в феврале 2021 года. 200-килограммовый шестиколесный аппарат, который оснащен четырьмя солнечными батареями и несет на борту оборудование для исследования марсианского грунта, магнитных полей, льда и атмосферы, проработает на Марсе 90 марсианских дней, или чуть более трех земных месяцев. В 2021 году Китай приступит к строительству собственной орбитальной станции, которая со списанием МКС станет единственной на орбите Земли. Китайские конструкторы заявили, что она будет состоять из трех частей, включая базовый модуль и два лабораторных. Масса каждого из них будет достигать 20 тонн. Весь процесс строительства будет состоять из четырех миссий протяженностью от трех месяцев до полугода каждая. В каждой миссии будут участвовать по три человека. Расчетный срок службы первой китайской орбитальной станции составляет 15 лет. Кроме того, в 2021-м будет завершено создание орбитальной группировки спутников, предназначенной для мониторинга ситуации в Южно-Китайском море. Она будет состоять из десяти аппаратов: шесть спутников оптического наблюдения марки «Хайнань-1», два ИСЗ гиперспектрального наблюдения и два спутника радиолокационного зондирования. По словам разработчиков, новая «морская группировка» спутников позволит «отслеживать каждый риф и каждое судно» в Южно-Китайском море. С одной стороны, действие группировки направлено на обеспечение безопасности судоходства и рыболовства, оперативное выполнение поисково-спасательных мероприятий. С другой стороны, новая спутниковая сеть «станет частью системы национальной обороны»: она будет отслеживать всю деятельность в акваториях Южно-Китайского моря, где до сих пор остаются не решенными пограничные споры.

Еще одним «спутниковым прорывом» станет сдача в эксплуатацию первого в КНР частного завода по производству спутников. Оператор проекта – пекинская компания Commsat, которая будет производить на новом заводе до 100 спутников в год. Сборочные линии в городе Таншань (провинция Хэбэй) будут рассчитаны на спутники разных модификаций и размеров, весом от 50 до 500 килограмм. Commsat в основном будет специализироваться на производстве спутников связи. По словам исполнительного директора компании Се Тао, на этом рынке ожидается «лавинообразный рост» в ближайшие пять лет. К спутниковой гонке вскоре подключится и пекинская компания GalaxySpace, которая планирует построить в городе Наньтун провинции Цзянсу «мегафабрику» по производству ИСЗ. С ее конвейеров каждый день будет сходить по одному космическому аппарату, а годовой объем производства достигнет 500 ИСЗ.

Технологические прорывы будут не только в небе, но и на земле. Так, в апреле на базе Юго-западного транспортного университета в городе Чэнду ожидается начало испытаний так называемых вакуумных поездов – систем, в которых состав движется благодаря магнитной левитации по трубе, из которой откачан воздух. Подобные составы смогут развивать скорость до 1500 км/ч (416 м/сек). По мнению экспертов, именно за вакуумными поездами – будущее железнодорожных перевозок. Сейчас китайские высокоскоростные поезда развивают скорость до 400 км/ч. Однако потолок скорости для рельсового транспорта – 600 км/ч, превысить который планируется при помощи технологий «маглев» и вакуумных поездов.

Кроме того, Китай продолжит работу над повышением уровня самостоятельности в передовых компьютерных технологиях. Это особенно важно, учитывая все новые ограничения США в отношении поставок высокотехнологичной продукции в КНР. Последним шагом администрации Трампа в этом направлении стало введение в декабре санкций против более чем 60 китайских технологических компаний, включая крупнейшего производителя полупроводников Semiconductor Manufacturing International Corp. Новые санкции предполагают запрет на поставки оборудования, комплектующих и программного обеспечения. При этом наблюдатели не уверены, что новая администрация Байдена будет торопиться с отменой этих ограничительных мер.

Впрочем, многие китайские корпорации уже подготовились к «технологическому разрыву» с США. Так, корпорация Huawei в 2021 году переведет все свои мобильные телефоны, планшеты и другие гаджеты на операционную систему собственной разработки «Гармония» (HarmonyOS). Huawei активно занималась разработкой собственной операционной системы с мая прошлого года, когда Google объявила о приостановке сотрудничества с Huawei в сфере аппаратного и программного обеспечения, в том числе – в сфере поддержки и обновлений системы Android. Ранее сообщалось, что новая операционная система совместима со всеми приложениями Android, а пересобранные специально под нее мобильные приложения смогут работать до 60% быстрее по сравнению с версиями под Android. Huawei активно развивает экосистему своей операционной системы.

Китай в 2021-2025 годах будет реализовывать новый пятилетний план национального экономического и социального развития. Китайский дипломат Цуй Цимин отметил, что это будет 14-й по счету за время существования КНР пятилетний план национального экономического и социального развития. «Период новой пятилетки, которая стартует в 2021 году, станет началом нового пути построения современного социалистического государства – после всестороннего построения Китая среднестатистического общества. Страна вступит на новый этап развития. Несколько дней назад председатель КНР Си Цзиньпин дал важные пояснения касательно социально-экономического развития в 14-й пятилетке», — подчеркнул он. «В частности, Китай будет рассматривать новые возможности и вызовы на новом этапе развития с помощью диалектического мышления, — обратил внимание Цуй Цимин. — Сегодняшний мир переживает невиданные за столетия перемены. Пандемия коронавируса нового типа ускорила эти перемены». Далее он констатировал, что международная экономика, наука, техника, культура, безопасность и политика претерпевают глубокие изменения, мир вступил в период бурных изменений. При этом внутреннее развитие КНР также претерпевает изменения.

По словам дипломата Цуй Цимина, Китай вступил в этап высококачественного развития. Главное социальное противоречие трансформировалось в противоречие между растущей потребностью людей в лучшей жизни и неравномерным, недостаточным развитием. «Глубокие изменения во внутренней и внешней среде Китая принесли как ряд новых возможностей, так и ряд новых вызовов. Возможности и вызовы сопутствуют друг другу, в вызовах есть возможности, вызовы можно обратить в возможности», — заметил он. «КНР будет продвигать формирование новой модели развития с внутренним циклом в качестве приоритета. В этой модели внутренний и международный циклы развития будут содействовать друг другу. Мы намерены придерживаться

стратегической структурной реформы с учетом внутреннего предложения, так что производство, распределение, обращение и потребление будут больше зависеть от внутреннего рынка, – пояснил Цуй Цимин. – Новая модель развития – это не замкнутый внутренний цикл, а открытый внутренний и внешний циклы. Положение Китая в мировой экономике будет продолжать расти, а его связь с мировой экономикой станет еще более тесной, что откроет более широкие рыночные возможности для других стран и станет огромным гравитационным полем для привлечения международных товаров и ресурсов». Кроме того, Китай намерен использовать технологические инновации для создания нового импульса развития. «Страна будет прилагать усилия к повышению собственного инновационного потенциала с целью скорейшего прорыва в ключевых технологиях. При этом наша страна рассматривает в полной мере использовать несомненные преимущества социалистической системы, в том числе сконцентрировать усилия для осуществления крупных начинаний в данном направлении», – заметил дипломат. Китай будет придерживаться открытости в инновациях, а также будет укреплять научно-техническое сотрудничество и обмена.

Превращение экономики Китая из промышленной в постиндустриальную уже в ближайшие годы вызовет беспрецедентные потребности страны в образовании. Быстрая автоматизация «фабрики мира» ставит под угрозу до 220 млн рабочих в КНР и от 22% до 40% внутренних мигрантов. По расчетам McKinsey&Co, приводящей такие оценки в отчете об этой проблеме, образовательный рынок страны, ранее росший на 16% в год, за десятилетие должен утроиться – или же стране грозит сильнейшая структурная безработица и спад роста. Отчет «Как перекавалифицировать Китай в постиндустриальную экономику» опубликован McKinsey Global Institute в январе 2021 года, и он описывает одну из самых крупных проблем в национальной экономике, важную на мировом уровне. Эксперты института рассматривают возможные сценарии постиндустриального роста КНР, принятого в стране официальной стратегией развития, на краткосрочном (до 2030 года) и более длинном (вплоть до 2050 года) временных отрезках – и анализируют вызовы, стоящие перед китайским рынком труда. Авторы отчета приходят к выводу о предстоящих крупнейших сдвигах в характере занятости в Китае – официальная стратегия, предполагающая до 2050 года догоняющий рост ВВП КНР до уровня в 70% от крупнейших развитых экономик (это годовое рост на уровне чуть менее 5%), должна вызвать смену профессии у десятков или сотен миллионов рабочих в стране и резко сократит спрос на внутреннюю миграцию в КНР.

Саму по себе «структурную безработицу» McKinsey&Co не упоминает, несмотря на то, что речь идет именно о ней: без системы перекавалификации рабочей силы и изменений на образовательном рынке КНР страна, с 1992 года создавшая крупнейшую в мире индустриальную экономику, столкнется именно с ней. Отчет в основном посвящен возможному дизайну будущего постиндустриального образовательного рынка в КНР. КНР с 1992 года номинально увеличила расходы на образование в 50 раз и в настоящее время по доле образовательных расходов в ВВП (более 4%) несколько опережает Японию, Германию и Сингапур, существенно уступая Южной Корее, США и Великобритании. Образовательный рынок КНР растет на 16% в год последние годы, впрочем, в McKinsey полагают, что он должен вырасти к 2030 году в три раза – это необходимые расходы для того, чтобы обеспечить работой высвобождающихся «индустриальных» рабочих. Основная причина высвобождения – автоматизация производства, в самом неприятном (хотя и оптимистичном) сценарии «ранней» автоматизации предельное число нуждающихся в переобучении – 220 млн, в разных вариантах под угрозой от 22% до 40% рабочих мест внутренних мигрантов – их существование, занятость и заработки, по существу, являются основой и роста ВВП КНР, и внутренней стабильности страны, формально продолжающей коммунистический социальный эксперимент.

Китай, предупреждают эксперты, может стать «страной постоянно учащихся»: хотя образовательная система КНР с 1978 года в три этапа справлялась с текущими вызовами, сейчас речь идет о более быстрых изменениях и необходимости образовательных технологий для работающих поколений. Происходящее в принципе даст предсказуемый эффект: сверхбыстрый промышленный рост при политике полной занятости открыл экономике КНР возможность стать «фабрикой мира», но успехи мира в строительстве постиндустриального общества делают Китай наиболее уязвимой в мире страной в отношении этих эффектов. Не решить эту проблему КНР не имеет возможности: стабильность страны с множеством диспропорций в развитии последние 30 лет держится именно на высоком росте ВВП и внутренней миграции – заканчивает свой анализ Дмитрий Бутрин.

Китай сформулировал приоритетные направления и меры, нацеленные на превращение второй по величине экономики мира в одного из глобальных лидеров новаторского движения в течение следующих 15 лет, пообещав обеспечить существенные прорывы в развитии ключевых и базовых

технологий. Согласно опубликованному полному тексту предложений по развитию, представленных ЦК КПК, страна будет двигаться по пути инновационного развития и реализует целый ряд стратегических проектов в сферах искусственного интеллекта, квантовой информатики, интегральных схем, улучшения качества жизни и здоровья, когнитивной науки, селекционирования, аэрокосмической науки и техники, а также глубинной разведки недр Земли и океана.

Прикрываясь щитом сотрудничества и взаимопомощи, Китай плетет долговую паутину-ловушку. И в этой паутине уже барахтается с полсотни азиатских, африканских и латиноамериканских стран. Не случайно все чаще поднимается вопрос об изоцированной политике Пекина, направленной на завоевание мира не кнутом, а пряником – с начинкой-подвохом. Среди крупнейших получателей прямых китайских кредитов, общий объем которых приблизился к \$5 трлн, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Казахстан. Если страны Центральной Азии не могут платить по счетам, Китай отбирает у них их месторождения и их территории, не обращая внимание на возмущение и массовые протесты населения.

По долгам перед Китаем Киргизия занимает 5-е место в мире (30% ее ВВП). Бишкек дважды обращался к Пекину с просьбой отсрочить выплаты, и дважды получал злой отказ. Таджикистан уже расплачивается приграничными землями, месторождениями золота и серебра. В ответ на 20-миллиардные китайские инвестиции, Казахстан отдает Китаю природный газ, сырую нефть, медные руды, ферросплавы, цинк, природный уран, руды драгоценных металлов, титан и т.д. Из Туркмении, по прямому трубопроводу, транзитом через Узбекистан и Казахстан, течет в Китай природный газ. Это самый длинный в мире газопровод – его протяженность около 10 тысяч км. На долю Туркмении приходится около 30% всего объема импортируемого Китаем газа. Есть неофициальные данные, что страна ничего на этом не зарабатывает. Газ, в основном, лишь покрывает ее долги.

Не обошел Китай и Россию своими щедротами, одолжив ей на развитие экономики сотни миллиардов рублей в рамках подписанной декларации о сотрудничестве в проектах «Один пояс, один путь» и «Евразийская интеграция». России тоже приходится делать ставку на нефть и природный газ, цены на которые последние годы только падают. Российский газопровод в Китай носит название «Сила Сибири». Уже строится «Сила Сибири-2». Поставки нефти в Поднебесную осуществляются под кредит в \$25 млрд.

Пекин отнюдь не ограничивает свою внешнюю политику рамками Евразийского коридора, Россией и азиатскими странами. Проект-инициатива «Новый Шелковый путь» обретает немыслимый размах. Китай все чаще называет его «Один пояс – один путь». И «пояс» этот становится все шире и... туже. А «путь»... ясное дело, все пути ведут теперь не в Рим, а в Пекин. Справедливости ради надо сказать, что много бедных стран живет сегодня за счет Пекина, наслаждаясь электричеством в своих домах, построенными им прекрасными дорогами, морскими и воздушными портами. Но давно известно, что бесплатный сыр бывает лишь в мышеловке. С некоторых пор Китай положил глаз на весь Африканский континент, включив его в свой мега-проект «Пояса и пути». Со щедростью сказочного Деда Мороза его компании предлагают африканским странам-участницам проекта, прозябающим в нищете и забвении, но стратегически удобно расположенным, создать современную инфраструктуру – на деньги, которые они любезно предоставят. В кредит, разумеется. В сфере интересов Китая все 37 государств Черного континента, имеющие широкий выход к морям и океанам. И все они уже им облагодетельствованы.

Секрет небывалой щедрости желтого брата все тот же. Кредитами-ловушками он обеспечивает себе геополитическую свободу действий и доступ к чужому сырью. Если по окончании тех или иных работ, страна-должник не может расплатиться с кредитором (а она, как правило, в силу своей бедности, не может), или... как там это называется – следовать долговым обязательствам, то Китай, в счет долга, оформляет долгосрочную аренду – этак, лет на сто, на порт, аэропорт, рудники и т.д.. Получается, что все, что он строит в Африке, он строит для себя. Но и это лишь часть кредитного айсберга. Подсаживая страны на долговую иглу, китайские компании, прочно обосновавшиеся на их территории, вынуждают их играть по своим правилам, ставя условие, что выполнять запланированные работы на местах будут их рабочие и специалисты. А оплачивают и штат компании, и рабочую силу страны, получившие кредиты. Таким образом, деньги возвращаются туда, откуда были взяты, а долги «партнеров» растут.

Наглядным, но далеко не единственным примером, продемонстрировавшим всему миру, как работают китайские долговые ловушки, стала Шри-Ланка, за долги отдавшая Китаю в аренду – почти на сто лет – свой глубоководный порт Хамбантота. В Танзании китайская частная компания попыталась повторить аферу с арендой порта, но получила отказ. Негласно, тихой сапой Китай

забирает африканские земли за долги – в Эфиопии, Танзании, Замбии, Уганде, Мозамбике, Камеруне. На этих землях, возделанных под сельскохозяйственные культуры, трудятся не местные жители, а завезенные из Китая рабочие. Все, что они выращивают, отправляется в Китай. Построенные в кредит железные дороги, порты, электростанции и прочее тоже обслуживают сами китайцы. Ангола, Нигерия и Судан за долги поставляют в Китай нефть. Либерия, Камерун, Мозамбик Намибия – лес. Замбия – медь. Этот перечень можно продолжать и продолжать.

На Черном континенте находится сегодня более десяти тысяч китайских предприятий, а количество самих китайцев приближается к двум миллионам, и цифры эти непрестанно растут. Массовая иммиграция китайцев в страны Африки вызывает не только негативное к ним отношение со стороны местного населения, но и организованные вспышки протеста. Вот как описывает ситуацию бизнесмен-издатель Тревор Нкубе из Зимбабве, живущий в ЮАР: «Открываются новые посольства и воздушные маршруты. Всюду можно встретить новую китайскую элиту континента, делающую покупки в собственных дорожных магазинах, разъезжающую в лимузинах. А покрытые рытвинами дороги забиты китайскими автобусами, везущими людей на рынки, заполненные дешевыми китайскими товарами. Тысячи миль новых китайских железных дорог пересекают Африку, перевозят миллиарды тонн незаконно вырубленного леса, алмазы и золото. Железные дороги привязаны к разбросанным вдоль побережья портам, ожидающим груза для отправки его в Пекин».

В той или иной степени практически вся Африка у Пекина в должниках. Долг Джибути, Нигера и Конго превысил уже четверть их ВВП. Министр ВМС США Ричард Спенсер открыто обвиняет Китай в использовании капитала в качестве оружия, загоняющего нуждающиеся страны в долговую ловушку. Кстати, упомянутая Джибути имеет для Пекина особое значение. Эта маленькая бедная африканская страна на левом берегу Баб-эль-Мандебского пролива стратегически уникальна. Ее порты служат воротами в Красное море, и дальше – в Суэцкий канал. Не случайно в Джибути разместились военные базы четырех стран – США, Франции, Италии и Японии, плюс военные формирования Германии, Испании и Саудовской Аравии. А теперь и Китай добавил к ним свою первую зарубежную военную базу. Не афишируя своих намерений, вторую военную базу и порт Китай строит в Намибии. Здесь у него тоже особый интерес. Он уже хозяйничает на местных урановых рудниках, снабжающих атомную промышленность Китая радиоактивным сырьем. Экономическое присутствие Китая в Африке, ненавязчиво перерастает в военное. Дешевое китайское оружие переправляется на Черный континент непрерывным потоком. Особенно – в противоборствующие Алжир и Марокко. Его армия (НОАК) проводит совместные учения с войсками Нигерии, Камеруна, Ганы и Габона. С какой целью?

Африка далеко не единственный, подвергающийся китайской экспансии, континент. Аналогичная ситуация наблюдается в восточноевропейских странах Евросоюза, на Балканах и в Центральной Европе. Стремясь улучшить пути доставки своих товаров, Китай строит там скоростные железные дороги, попутно скупая порты. Сунулся вездесущий желтый брат и в Крым (до того, как Крым стал снова российским), подписав с Украиной в 2013 году меморандум о совместном превращении Крыма в экономический и транспортный узел «морского Шелкового пути». В Австралии разразился скандал после того, как китайская группа Landbridge арендовала – сроком на 99 лет – порт в городе Дарвин, что жителями страны было расценено, как угроза национальной безопасности. Этот австралийский порт, называемый «Воротами в Азию», Пекину крайне необходим. Через него проходит половина всех грузов, направляющихся в КНР. Но особенность в том, что, во-первых, Австралия – союзник Соединенных Штатов, а во-вторых, рядом с этим портом расположена военная база США. Сейчас деятельность администрации нового президента Байдена развеивает остаточные иллюзии в Москве и Пекине. Словами и делами Вашингтон подтверждает прогнозы дальновидных экспертов, которые предсказывали, что при Байдене Америка станет наращивать противодействие именно Китаю, сохраняя текущий уровень враждебности России. Так, в программном документе «Национальная стратегия безопасности» за подписью 46-го президента США, опубликованном 3 марта, черным по белому написано: «Китай является единственным конкурентом, потенциально способным за счет объединения своей экономической, дипломатической, военной и технологической мощи стать постоянным вызовом стабильной и открытой международной системе». За словами идут и дела – ни на одном из фронтов начатой Трампом «холодной войны» против Китая не наблюдается перемирия.

Официальный представитель [МИД](#) Китая [Хуа Чуньин](#) заявила, что Пекин постоянно усиливает партнерство с Россией, однако сотрудничество государств не направлено против третьих стран. Хуа Чуньин подчеркнула, что эти стратегические отношения не могут ослабнуть. Москва и Пекин, по ее словам, придерживаются схожих позиций по различным вопросам. Кроме того, представитель внешнеполитического ведомства КНР отметила, что китайско-российские отношения «достигли самого высокого уровня в развитии».

Ранее глава МИД России [Сергей Лавров заявил](#), что Москва и Китай должны мобилизовать единомышленников для защиты принципов Устава [ООН](#). Глава ведомства упрекнул западные страны в попытках «всеми правдами и неправдами обеспечить свое доминирование», в том числе путем игнорирования Устава ООН и подмены его собственными правилами.

Кто моргнет первым— привычная российская игра с Западом. Сегодня этой игрой занялись Китай и Запад. «New York Times» утверждает, что мир раскалывается на два враждебных лагеря во главе с США и Китаем. Действительно,

вырисовываются контуры нового глобального порядка. Не обязательно такого, о каком пишет «NY Times». Ясно одно: роль России в нем напишут другие.

Америка еще при Трампе поставила задачу остановить Китай. Европа до сих пор пыталась избежать участия в их конфронтации. Европейцы нашли идеальный баланс: американцы обеспечивают им «зонтик безопасности», а китайцы – экономической выгоду.

Под давлением Вашингтона ЕС пришлось продемонстрировать приверженность ценностям и вместе с США, Канадой и Великобританией выкатить Китаю санкции. Как порицание Пекину за репрессии против уйгуров, подавление демократии в Гонконге и угрозы Тайваню. Все бы и забылось. Но Пекин решил, что пора показать кулак. Китайцы ответили Европе своими санкциями, бойкотом западных компаний и вторжением армады китайских самолётов в воздушное пространство Тайваня.

Россия в качестве нарушителя спокойствия отходит на второй план. Мир занялся конфронтацией Запада и Китая. От того, как будет разворачиваться их игра мускулами, зависит не только возрождение американского лидерства и способность Запада к единству, но и то, кто станет глобальным оппонентом либеральной демократии.

Конечно, Россия угрозами бить окна успешно спланирует Запад. Российская угроза обосновывает сохранение НАТО и укрепляет партнерство США и Европы. Короче, Россия заталкивает Запад в эпоху, к которой она привыкла.

Китай для Запада — соперник иного типа. Как говорилось в докладе RAND, Россия — «изгой, но не соперник, а Китай — соперник, но не изгой». В западном сообществе принято думать: Россия заинтересована в подрыве западного порядка, в котором она не может доминировать; Китай стремится перековать этот порядок, надеясь в нем лидировать. Россия представляет вызов, на который Запад отвечает через сдерживание. Китай сдерживать невозможно хотя бы потому, что Китай проник внутрь западных сосудов. Китайцы, казалось бы, рассуждают в том же ключе. Так, «Foreign Affairs» цитирует китайского дипломата, который так объясняет разницу между Россией и Китаем: «Россия пытается разрушить мировой порядок... Но Китай получает от него выгоды и пытается его изменить, не разрушая его».

Нынешняя агрессивность Китая сбивает с толку. Неужели Китай готов претендовать на роль антизападного полюса? Но что Пекин может предложить миру? Где те страны, которые готовы побежать под китайское «крыло»? Но самое главное: переход Пекина к роли антагониста Запада закроет для него западный источник жизнеспособности.

Создается впечатление, что Пекин ошибся с оценкой ситуации, решив, что с США покончено, а европейцы подсели на китайскую экономическую иглу. Поэтому Западу можно диктовать свои условия и заставить его отказаться от нравоучений. Может показаться, что Запад попал в китайскую сеть. Для германских автоконцернов (VW, Daimler и BMW) Китай является главным рынком сбыта. Китай — крупнейший кредитор Америки, которому принадлежат американские облигации на сумму \$1,1 трлн. Китай является ключевым источником импорта товаров для 49 экономик мира. Самоуверенность, однако, подвела китайцев. Пекин сегодня делает то, что делала до него Москва — своей воинственностью консолидирует Европу и США. А ведь только вчера, играя на экономическом интересе, Китай размывал западное единство. Думается, что рано или поздно страсти улягутся. Зачем Китаю обвал западного мира либо превращение его в «боевую колесницу», если есть возможность его приспособить к своим нуждам?

Но конфронтация не пройдет без следа. Запад начал искать способ вытеснения Китая из своих неврологических сфер. Так, германский бизнес призвал ЕС «противостоять экспансии китайского госкапитализма». Китаю. Европа готова отказаться от участия Китая в разработке сетей мобильной связи 5G. Байден и британский премьер Джонсон размышляют о том, как подорвать китайскую стратегию мирового влияния «Один пояс — Один путь». В западном сообществе начали обсуждать западную для либеральных демократий: сотрудничество с Китаем приносит Западу дивиденды сегодня, но угрожает проблемами завтра. Ведь

непонятно, как Китай будет осуществлять свое стремление «предложить миру китайская мудрость». Что если так, как Пекин это предлагает Тибету и уйгурам? Конечно, и Россия, и Китай используют Запад. Но как же по-разному! Для России либеральные демократии — ресурс воспроизводства архаичной сырьевой экономики. Китай использует Запад для модернизации. Чувствуете разницу?

Китай свою историческую обиду и память об унижениях превращает в стремление превзойти западную цивилизацию в технологическом прогрессе. Россия свою обидчивость выражает в попытках подорвать успешного оппонента. Трудно избежать ощущения, что китайцы нашли и остроумный способ использовать Россию для собственного возвышения. Как говорит западный дипломат, хорошо знающий Китай, «Россия стала для Китая наемником». Так, в Совбезе ООН Россия голосует против резолюций, которые не нравятся Пекину, по которым Пекин только воздерживается. Это позволяет Китаю выглядеть договороспособным, в то время, как Россия делает за него «грязную работу».

Будем вместе с Пекином «мобилизовать единомышленников для защиты принципов Устава ООН» радуется Лавров. Скорее всего, он будет их мобилизовывать самостоятельно. А Китай будет стоять сзади, наблюдая. Нынешняя конфронтация Китая и Запада — попытка нащупать платформу для компромисса. В этом процессе Россия может помочь Пекину выглядеть более привлекательно. Словом, получается, что Россия тратит свою державную роль для того, чтобы облегчать решение своих задач другими игроками. Россия стимулирует единение западного мира вокруг США. Россия дает повод западному военно-промышленному комплексу для обновления. Россия заставляет либеральные демократии приступить к очищению от грязных денег. Россия, наконец, помогает выдвижению Китая в сверхдержавы, поднося ему патроны и служа ему северным флангом безопасности. Но Россия уже не может определять конфигурацию мировой сцены.

По мнению политолога Лилии Швецово́й в игре «Китай против Запада» Россия оказывается запасным игроком, которому вряд ли суждено выйти на поле. Это танго для двоих. Державе, привыкшей быть на авансцене, оказаться на обочине обидно. Но это может быть шансом для России подумать о своих внутренних проблемах. Это то, чего хотят россияне, которые видят державность в процветании страны, а не в ее попытках навязывать себя миру военной мощью. Увы, для Кремля выгоднее пугать западный мир

Российский правящий класс захлебывается от обиды на Америку, но его не беспокоит роль китайского питбуля. Если для Израиля экспансия Китая не критична, то для России она представляет серьезную угрозу, хотелось бы, чтобы это хорошо понимали.

